

I

Е. В. Гропянов
БОРИС ПЕТРОВИЧ ПОЛЕВОЙ
Статья вторая
ИСТОРИК КАМЧАТКИ

Аннотация. Работа посвящена исследовательской деятельности известного ученого, специалиста по истории Дальнего Востока России Б. П. Полевого. Публикация включает редкую статью историка «О происхождении фамилии Полевые», а также личное письмо Б. П. Полевого автору.

Первая часть данной работы была опубликована в материалах Третьих Международных исторических и Свято-Иннокентьевских чтений, посвященных 300-летию присоединения Камчатки к России (1998). Полностью она была включена в сборник Е. В. Гропянова «Ступай и исполни...» (2002).

Ключевые слова: Дальний Восток, Камчатка, история, география, Полевой, Гропянов.

Abstract. The work is devoted to the exploratory activity of B. P. Polevoy – a famous scientist and specialist in the history of the Russian Far East. The publication includes the rare article of the historian “On the origin of the surname Polevoy” and personal letter of B. P. Polevoy to the author.

The first part of the article was published in the collected materials of the Third International Historical and St. Innocent Readings dedicated to the 300th anniversary of annexation of Kamchatka by Russia (1998). The complete work was included into collected book “Go and perform” by Ye. V. Gropanov (2002).

Key words: Far East, Kamchatka, history, geography, Polevoy, Gropanov.

Он был рожден для исторической науки, которая связала его с Сибирью, Дальним Востоком и Крайним Северо-Востоком. Интеллигент, хранящий в себе лучшее наследие «измученной эпохи», «сказитель истории», как назвал его академик Н. Н. Болховитинов, Б. П. Полевой являет собой энциклопедию событий XVII–XX вв. Его познания истории, литературы, географии, этнографии, геологии удивительно глубоки, интересы разносторонни – его не удивишь, кажется, ничем. Он одинаково интересный собеседник со всеми. И все же... Стоит заговорить о XVII–XVIII вв., как он преображается, его голос, да что там голос, он необыкновенен весь – лицо одухотворено, речь сильна и благозвучна, действительно сказочна, он может говорить час, два, и его слушают и час, и два без усталости и требуют говорить далее – так хорошо, романтично, так героически-трепетно то, о чем рассказывает доктор исторических наук, председатель отделения истории географических знаний и почетный член Русского географического общества Борис Петрович Полевой.

Докторскую диссертацию ученый защитил в 1986 г. Называлась она «Русские географические открытия на Дальнем Востоке с 30-х гг. XVII в. до 60-х гг. XIX в.». Те, кто ранее был знаком с его публикациями, удивлялись – почему не доктор... А Борис Петрович не хотел тратить время на диссертацию, он жил только научными изысканиями и боялся потерять время. Его заставили подготовить диссертацию по уже опубликованным работам. Защита прошла успешно. После этого доктор исторических наук Б. П. Полевой написал еще более сотни статей, издал интереснейшие сборники документов – «Защитники Отечества» (1987), «Петропавловск-Камчатский: История города в документах и воспоминаниях. 1740–1990» (1994), «Новое об открытии Камчатки: В 2-х частях» (1997), выступил автором и научным редактором историко-географического атласа

«Камчатка. XVII–XX вв.» (1997), написал предисловие и принял участие в научном редактировании впервые изданного на русском языке труда Георга Стеллера «Описание земли Камчатки». Впрочем, всего не перечислить.

...Теперь может показаться невероятным, но интерес к истории Камчатки возник у него еще в пятилетнем возрасте. Дело в том, что отец мальчика геолог Петр Игнатьевич Полевой в 1923 г. поехал на Камчатку в экспедицию, которая ставила своей задачей, во-первых, проверить на месте – действительно ли в Кроноцком районе на реке Богачевке был открыт выход нефти, а во-вторых, собрать новейшие сведения о камчатских полезных ископаемых, которые срочно потребовались правительству: как раз в это время американский капиталист Вандерлип стал добиваться в Москве предоставления ему концессии на Камчатке. Геолог Полевой никогда не одобрял сдачу в концессии иностранцам полезных ископаемых России, но, тем не менее, он обязан был исполнить распоряжение правительства. Эта первая советская геологическая экспедиция проходила крайне тяжело. Ее участники лишились компаса, долгое время блуждали, голодали и даже были приняты за банду и обстреляны. Но свою задачу они успешно выполнили. Нефть на Богачевке оказалась высшего качества. При содействии замечательного камчатского краеведа П. Т. Новограбленова после были собраны ценные сведения о полезных ископаемых Камчатки, что и позволило выпустить первую советскую карту полезных ископаемых Камчатки уже в конце 1923 г.

Увлекательные рассказы отца о его приключениях на Камчатке, об удивительной природе полуострова, о вулканах, гейзерах и необычайных рыбных богатствах камчатских рек произвели огромное впечатление на сына. К тому же ему подарили любопытную книгу о путешествии одиннадцатилетнего гимназиста Гаги Крамаренко на Камчатку в 1911 г. Она заменила мальчику букварь. Несколько раз в домашнем кругу слышал Борис яркие рассказы о Камчатке и от семейного друга Владимира Клавдиевича Арсеньева, который также в 1923 г. в последний раз посетил Камчатку. Несколько позже Владимир Клавдиевич подарил Полевым небольшую книжку о своем восхождении на Авачинскую сопку. Весной 1986 г. Б. П. Полевой преподнес эту книжку с авторской надписью владивостокским краеведам, которые в бывшей квартире Полевых, переданной в 1928 г. В. К. Арсеньеву, недавно создали музей-квартиру Арсеньевых (ул. Арсеньева, 7, кв. 4).

Вернувшись в 1928 г. в Ленинград после десятилетнего пребывания на Дальнем Востоке, Полевые продолжали интересоваться Камчаткой. В начале 1929 г. П. И. Полевой принял активное участие в двухмесячной научной сессии в Русском географическом обществе, посвященной полуострову, а 15 апреля он там сделал доклад «Полезные ископаемые Камчатки». 1 марта 1929 г. Полевые поселились в квартире № 1 в доме № 39 по 6-й линии Васильевского острова, которая находилась в непосредственной близости от могилы Степана Крашенинникова. Б. П. Полевой очень часто на ней бывал, пока в начале 1930-х гг. эта могила не была надолго погребена под мусором и землей. Вновь она была открыта только в 1963 г. Позже, в 1986–1988 гг., Б. П. Полевому пришлось принять личное участие в перезахоронении С. П. Крашенинникова.

В школьные и студенческие годы Б. П. Полевой внимательно следил за всей исторической и географической литературой, посвященной Камчатке. С 1938 г. Б. П. Полевой стал работать экскурсоводом в Гатчинском музее в комнатах Николая I, Александра II и Александра III. В угловом кабинете Николай I 30 ноября 1854 г. принял героя Петропавловской обороны Дмитрия Максудова с докладом о блестящей победе на Камчатке. Заинтересовавшись историей камчатской обороны 1854 г., Б. П. Полевой занялся изучением истории Крымской войны, и в апреле 1941 г. на студенческом конкурсе научных работ на историческом факультете Ленинградского государственного университета получил первую премию за свою дипломную работу «Русско-американские отношения в годы Крымской войны».

Великая Отечественная война на несколько лет прервала научные изыскания Б. П. Полевого. Однако после демобилизации он, уже аспирант истфака ЛГУ, возобновил свою работу по истории Крымской войны. В этот период молодой ученый в различных архивах страны выявил немало различных документов о хищнической деятельности американских китобоев в русских дальневосточных территориальных водах и даже в самом Петропавловске-Камчатском, а также о малоизвестной американской экспедиции Ринголда–Роджерса, которая в 1855 г. побывала в Авачинской губе.

С ноября 1952 до мая 1953 г. Б. П. Полевой работал старшим научным сотрудником исторического отдела Главного штаба военно-морских сил СССР. С этого времени он стал еще более интенсивно изучать архивные документы по истории отечественного Дальнего Востока. Именно тогда Б. П. Полевой нашел ряд ценнейших документов по истории Дальнего Востока и, в частности,

Камчатки. Но печатать свои работы по истории Камчатки в Петропавловске он начал только с 1961 г. в «Камчатской правде», а с 1964 г. в «Вопросах географии Камчатки».

В феврале 1974 г. на IV сессии Дальневосточных исторических чтений, впервые проходившей в Петропавловске, Б. П. Полевой выступил с обстоятельным докладом «Новое об открытии Камчатки», который вызвал живой интерес у многих камчатских краеведов. С той поры он стал постоянно публиковать свои статьи в литературно-художественном ежегоднике «Камчатка» и краеведческих сборниках «Норд-Ост». Его статьи и сборники документов неизменно вызывали интерес. В 1989 г. он был избран почетным председателем возрожденного камчатского краеведческого общества, а несколько позже – председателем оргкомитета Первых камчатских международных исторических чтений, посвященных 250-летию Петропавловска-Камчатского. Принял он активное участие и в проводившихся в 1993 г. в Петропавловске Вторых международных камчатских исторических и Вторых Свято-Иннокентьевских чтениях.

В связи с семидесятипятилетием Б. П. Полевого в Южно-Сахалинске в «Краеведческом бюллетене» (1994, № 1, с. 171–176) была опубликована статья М. С. Высокова «Историк Дальнего Востока России», к которой был приложен почти полный список печатных работ Б. П. Полевого (313 названий). В нем примерно одну треть составляют работы, которые прямо или косвенно связаны с историей Камчатки. Расскажем кратко, что же нового дали эти работы для краеведов и историков Камчатки.

Прежде всего, Б. П. Полевой неожиданно выяснил, что впервые интерес у русских к северной части современной Камчатской области возник еще за три года до исторического плавания Семена Дежнева 1648 г. через пролив между Азией и Америкой. Тогда от индигирских и колымских юкагиров русские впервые услышали о существовании на востоке богатой реки «Погычи». Оказалось, что они так называли реку Похачу – Пахачу, протекающую в северной части Камчатской области.

В 1736 г. в якутском архиве академик Г. Ф. Миллер обнаружил подлинные отписки Дежнева 1655 г., из которых он узнал о торговом человеке Федоте Алексееве Попове. В Якутске издавна ходили слухи о каком-то «Федотове сыне», жившем еще в середине XVII в. на Камчатке. Миллер и его единомышленники очень неосторожно решили, что этим «Федотовым сыном» мог быть или сам Федот Алексеев, или его сын. Поскольку в научной литературе давно ведется дискуссия, можно ли доверять этой миллеровской версии, Б. П. Полевой поставил перед собой задачу: во-первых, заново тщательно изучить историю открытия русскими всего азиатского Северо-Востока и, во-вторых, на основе вновь найденных документов определить, кто же из русских еще в середине XVII в. смог в верховьях р. Камчатки построить реально существовавшее зимовье из двух изб, остатки которых были еще видны во времена С. П. Крашенинникова.

В результате тщательного изучения подлинных документов XVII в. Б. П. Полевой существенно уточнил историю открытия русскими в середине XVII в. азиатского Северо-Востока. Удалось обнаружить подлинную челобитную первооткрывателей Колымы – Михаила Стадухина, Дмитрия Михайлова Зыряна, Семена Дежнева и его товарищей, что позволило впервые установить, что русские открыли Колыму 12 июля 1643 г. и уже 30 июля основали первое русское поселение на Средней Колыме. Именно отсюда (а не с Нижне-Колымска, как ранее считалось) и был начат морской поход Семена Дежнева 20 июня 1648 г.

При изучении истории первых русских походов с Колымы на Пенжину Б. П. Полевой установил, что в 1657–1661 гг. по этому пути неоднократно ходил колымский казак Иван Иванов Камчатой, по прозвищу которого еще в середине 1650-х гг. на вновь открытом пути с Колымы на Индигирку одна из волоковых рек стала называться «Камчаткой». Полное совпадение названия этой реки с главной полуостровной рекой позволило Б. П. Полевому еще в 1961 г. выдвинуть и обосновать гипотезу о том, что река Уйкоаль названа Камчаткой по прозвищу того же казака, который бывал в северной части полуострова на западном и восточном берегу.

Б. П. Полевой по якутским актам установил, что в основе легенды о жившем на Камчатке «Федотове сыне» лежали сведения о беглом колымском казаке Леонтии Федотове, который некоторое время жил на западном берегу полуострова Камчатка у устья реки «Воемля» (Лесной).

В 1961 г. в РГАДА ученому удалось впервые найти документ, в котором сообщалось, что казначий десятник И. М. Рубец в 1660-х гг. ходил «вверх реки Камчатки». Позже удалось установить, что И. М. Рубец пришел сюда морем с р. Лены. Стало очевидным: именно к этому плаванию Рубца с р. Лены до р. Камчатки относилось сообщение И. Козыревского, что в верховьях р. Камчатки зимовали русские, приплывшие на двух кочах с Лены. В этом плавании (от Анадыря до Камчат-

ки) участвовал дежневек, промышленный человек Фома Семенов Пермь. Бывавший на западном берегу Камчатки Савва Шароглаз (Сероглаз) сообщил Рубцу о р. Камчатке (он хорошо знал Ивана Камчатого, по прозвищу которого была названа река). Сбором ясака на р. Камчатке при Рубце ведал целовальник Федор Лаптев. Это был тот самый «Фетька» или «Федор», о котором слышал от ительменов Г. В. Стеллер. Именно об этом плавании впоследствии сообщали Н. Витсен, Ф. Страленберг, Г. Новицкий, В. Беринг и др.

Б. П. Полевой существенно дополнил историю картографирования р. Камчатки на сибирских чертежах второй половины XVII в.

Особенно много внесли изыскания Б. П. Полевого в изучение жизни и деятельности «камчатского Ермака» Владимира Атласова. Оказалось, что он был уроженцем Якутска, а не Великого Устюга, как полагали многие историки. Звали его Володимером Володимеровичем, а не Владимиром Васильевичем, как отмечалось в наших энциклопедиях, и не Владимиром Тимофеевичем, как полагал М. И. Белов, который слил в одну биографии отца и сына и тем самым превратил «Камчатского Ермака» в старика. Много нового удалось узнать в судебном деле В. Атласова 1701–1702 гг. (ученый удивлялся, почему так долго ему не давали это дело для ознакомления: то оно затерялось, то, появившись, вновь исчезало, так продолжалось несколько лет).

Б. П. Полевой смог доказать, что лучшая гавань Камчатки – Авачинская губа впервые была открыта казаками во главе с Родионом Преснецовым осенью 1703 г.

Весьма существенно была уточнена и история открытия русскими Курильских островов со стороны Камчатки.

Для изучения камчатской топонимики большую пользу принесло обнаружение ряда камчатских ясачных книг начала XVIII в. Ценные сведения по истории Камчатки удалось получить при изучении географических чертежей Камчатки первых двух десятилетий XVIII в., а также самой первой печатной карты отечественного Дальнего Востока – карты «Камчадалии» 1722 г. нюрнбергского картографа И. Б. Гомана, выполненной по личному заказу Петра I.

Собрано немало новых сведений о том, как рос интерес Петра Первого к Камчатке, дана новая интерпретация инструкции царя Витусу Берингу от 6 января 1725 г. Внесены существенные уточнения в историю камчатских экспедиций Витуса Беринга. Расширены сведения об основании Петропавловска-Камчатского, новых плаваниях русских мореходов с Камчатки к Курильским и Алеутским островам и к северо-западному побережью Америки, уточнена история второй полярной карты М. В. Ломоносова 1764 г. Особое внимание Б. П. Полевой уделил деятельности Г. И. Шелихова во всей северной части Тихого океана, а также некоторых иностранных мореплавателей, например Третьей экспедиции Дж. Кука и Ж.-Ф. Лаперуза.

В течение многих лет Б. П. Полевой смог собрать множество сведений о первых русских кругосветных плаваниях половины XIX в. Он впервые опубликовал недавно найденные два письма В. М. Головнина, отправленные из Петропавловска в 1817 г. о его пребывании на Камчатке, рапорт Г. И. Невельского, посланный из Петропавловска перед его плаванием 1849 г. к берегам Сахалина и устью Амура.

Особо много новых документов было опубликовано Б. П. Полевым по истории героической обороны Петропавловска 1854 г.

После длительного застоя в жизни Петропавловска, продолжавшегося столетия, в годы правления П. А. Столыпина в камчатской столице началось оживление. Этому периоду были посвящены некоторые статьи Б. П. Полевого.

Ученый полон сил и энергии. Его приглашают на все исторические конференции. В ноябре 1996 г. (г. Халле, Германия) он принимает участие в научной конференции, посвященной 250-летию со дня смерти Георга Стеллера. Июль 1997 г. – доклад «Три поколения Козыревских» на конференции в Польше (г. Вроцлав). Сентябрь 1997 г. – Б. П. Полевой на Камчатке, он – душа Третьих международных исторических и Свято-Иннокентьевских чтений «300 лет в составе России».

Исторические выводы, сделанные Б. П. Полевым, поддержаны крупнейшими учеными-историками Старого и Нового Света. К его мнению прислушиваются на всех симпозиумах и конференциях, посвященных изучению Крайнего Севера и Дальнего Востока. Этот авторитет завоеван изнурительным трудом, скрупулезным изучением архивных документов XVII–XX вв.

Надо сказать, что Б. П. Полевой принадлежит всей России, большей частью своего труда – Сибири и Дальнему Востоку и, конечно же, Камчатке. В качестве приложения к очерку хочется воспроизвести редкую статью Б. П. Полевого из газеты «Вести» за 5 мая 1999 г.

О происхождении фамилии Полевые

«Поскольку я являюсь потомственным Полевым, предки которых переселились из Курска в Иркутск, меня давно уже волновал вопрос, откуда возникла фамилия Полевые и имею ли я какое-нибудь родственное отношение к семейству иркутских писателей Полевых, которые родились в семье купца Алексея Евсеевича Полевого, переехавшего тоже из Курска в Иркутск в конце XVIII века.

Нетрудно убедиться, что фамилия Полевые имеет различное происхождение. Так, актерская фамилия Полевые–Мансфельды явно возникла как простая калька еврейско-немецкой фамилии Мансфельд, что в переводе на русский язык означала Полевой.

Среди самих Полевых распространена версия о возникновении фамилии Полевых от дворянской фамилии Полев или просто Поле. Но иркутские писатели Полевые никогда дворянами не были, и эта версия маловероятна: архивными данными она не подтверждается. Но из документов Курска видно, что там было немало Полевых, которые не были родственниками, но их фамилии тем не менее имели явно общее происхождение от слова «Поле» – старинного названия Украины, равнинной территории от земель Московии до Перекопа, т. е. до татарского полуострова Крыма, который до хрущевского подарка 1954 года никогда к Украине не имел никакого отношения. Вспомните подробное описание „Чертежа Полю” в знаменитой „Книге Большому чертежу” Афанасия Мезенцева 1627 года. Еще в XVII веке многие переселенцы с Украины – с Поля в русские южные города получили в Московии кличку Полевые, ставшую вскоре весьма распространенной фамилией в российских землях. Именно поэтому в Курске и было немало Полевых, которые отнюдь не были родственниками.

Напомню курьезный случай, произошедший в Курске в 1817 году, после того как там побывал Александр I. Временно живший там Николай Полевой подробно описал пребывание царя в Курске и это свое сочинение опубликовал в журнале „Русский Вестник”. Курский губернатор приказал отыскать автора и пригласить его к себе в дом. Этим воспользовался некий однофамилец Полевой, который попытался выдать себя за Николая Полевого, подлинного автора статьи в „Русском Вестнике”. Он явился к губернатору, но вскоре был разоблачен и с позором изгнан. Этот печальный эпизод уже показывает, что в Курске уже тогда были Полевые, никакого отношения к семейству Николая Полевого не имевшие. И поскольку от своих родственников я никогда не слышал о близости нашей семьи к иркутским писателям, то я считал долгое время, что принадлежу к простым однофамильцам. По этой причине, когда я в 1962–1970 годы работал в иркутском Институте географии Сибири и Дальнего Востока, я, к сожалению, не стал в архиве Иркутской области заниматься поисками документов о моих родственниках, в прошлом проживавших в Иркутске. Но в октябре 1971 года я при посещении выдающегося сибирского этнографа Бориса Осиповича Долгих, лежавшего в московской академической больнице, в так называемой Ляпуновке, неожиданно там познакомился с Владимиром Яковлевичем Аболтиным, который в 1925 году возглавлял делегацию ВЦИК по приему от японцев северной части Сахалина, в которой принимал участие в качестве эксперта и мой отец – геолог Петр Игнатьевич Полевой. В своих воспоминаниях о пребывании на Сахалине В. Я. Аболтин (псевдоним Аварин) неоднократно его вспоминал. И тут при встрече со мной Аболтин вдруг мне сказал, что в Пекине он познакомился с потомком Николая Полевого, прекрасным знатоком китайского языка Сергеем Полевым, который ему сказал, что является дальним родственником моего отца. Я первоначально усомнился в достоверности этого сообщения. Но после беседы в Ленинграде с китаистом Б. И. Панкратовым, который встречался в Пекине с Сергеем Полевым и ему полностью доверял, стал жалеть, что в свое время не провел соответствующих поисков в иркутском архиве. Теперь я надеюсь на помощь иркутских историков и архивистов. Поэтому считаю полезным напомнить известную мне цепочку моих предков. Мой отец геолог Петр Игнатьевич Полевой учился в иркутской гимназии в 1880 – начале 1890-х годов. Его отец иркутянин Игнатий Акимович, участник обороны Севастополя, некоторое время служил фельдшером в Забайкалье. Его отец Аким был переселенцем из Курска в Иркутск. Таковы семейные предания, которые хотелось бы проверить в иркутском областном архиве.

Меня часто спрашивают, имею ли я какие-либо родственные связи с известным писателем Борисом Николаевичем Полевым, автором известной «Повести о настоящем человеке». Отвечаю: никаких, поскольку настоящая фамилия Бориса Николаевича Полевого – Кампов. В своих воспоминаниях Борис Николаевич рассказал, что в 1927 году один из редакторов какого-то его рассказа посоветовал ему отказаться от якобы „поповской фамилии” Кампов. „Кампо означает по-испански поле, почему бы Вам не стать по-русски Полевым?” – сказал он. Так Кампов и стал Борисом Полевым. Когда я рассказал об этом случае одному питерскому филологу, он сказал: „В этом отношении

Вам повезло: у Вас немало однофамильцев среди европейских писателей. Автор знаменитого романа «История Тома Джонса, найденыша» Филдинг в переводе означает Полевой, итальянец Кампанелла тоже в переводе связан со словом «кампа» – поле. Испанский драматург Лопе де Вега тоже ваш однофамилец – де Вега тоже переводится как Полевой. Однако, кроме Мансфельдов и Кампова, никто не стал по-русски Полевым».

Я впервые узнал о существовании моего тезки и однофамильца Бориса Полевого в возрасте 10 лет.

Весной 1928 года во владивостокской газете „Красное знамя” я прочитал с большой радостью письмо Алексея Максимовича Горького к другу нашей семьи писателю Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву, в котором он высоко хвалил его книгу „Дерсу Узала”. По просьбе жены Арсеньева Маргариты Николаевны я бегал по киоскам города и скупал эту газету. Спустя несколько недель в той же газете появилась небольшая заметка, в которой говорилось, что Горький написал письмо молодому писателю... Борису Полевому, который опубликовал „Записки вшивого человека”, и посоветовал ему серьезно учиться. Все мои знакомые во Владивостоке дружно смеялись надо мной, а я в те времена не знал даже, что такое вошь – я ее никогда не видел в натуре! Позже я нередко в шутку говорил: „Борис Полевой старше меня ровно на 10 лет, но как Борис Полевой он моложе меня тоже на 10 лет”. Но за это сходство я не раз расплачивался, так как мои гонорары иногда посылались в его адрес, и лишь только один раз я получил извещение на большой гонорар из Хабаровска, где меня часто печатали. Естественно, я его переслал Борису Полевому в Москву.

В течение нескольких лет я собирал самые различные сведения о Полевых, живших в европейской части России, и смог убедиться, что больше всего Полевых можно было встретить в районе бывшей Центральной черноземной области и других российских областей, прилегающих к Украине. Значительное число Полевых оказалось на Нижней Волге и в Бессарабии. Это были явно переселенцы с Украины, что еще раз подтверждает, что фамилия Полевые возникла от старинного географического названия Украины – Поле. История с фамилией Мансфельд ясно показывает, что из этого правила бывали и исключения. Но Алексей Евсеевич Полевой и его дети — писатели Николай, Ксенофонт и сестра Авдотья, и их потомки к этим исключениям явно не принадлежали.

Думается, что в скором времени явится исследователь творчества Б. П. Полевого, изучит его удивительнейший архив и напишет большую книгу об ученом, который в XX в. составил эпоху в исторической науке, посвященной XVII – началу XX вв., когда Россия покоряла и осваивала громадные просторы, дошла до Тихого океана и до 1867 г. владела Русской Америкой... Творчество Б. П. Полевого – и для его современников, и для пытливых умов будущих столетий и третьего тысячелетия.

1997–1999 гг.

* * *

26 января 2002 г. Борис Петрович умер. Весть была неожиданной: ничего не предвещало такого трагического конца, хотя в письмах он иногда жаловался на усталость. Его жена, Наталья Михайловна, в августе 1999 г. отравилась грибами и умерла. После этой нелепой смерти своего любимого и единственного помощника Борис Петрович сдал: исчезла энергия, появилась вялость, все это чувствовалось по письмам, которые он писал реже обычного. На мои письма он не отвечал с сентября 2001 г., что было ему совершенно несвойственно, он всегда был пунктуален. Я оправдывал все занятостью Бориса Петровича – у него громадные планы: он заканчивал комментарий к известному труду Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария» (запросили голландцы, они готовят переиздание книги); делал наброски к книге для сахалинцев, с которыми был дружен; намеревался осенью 2001 г. приехать на Камчатку и даже заказал билет, но в последнюю минуту сдал; собирал материал для воспоминаний о камчатских встречах (об этом я постоянно напоминал ему; он прислал чудесные воспоминания об историке академике Е. Тарле, который писал о Петропавловской обороне, – они были опубликованы в газете «Вести» – «Три брата» в 2001 г.); постоянно возвращался к своему «Избранному» (мы давно разработали с ним план издания его лучших статей о камчатских событиях XVII – начала XVIII вв. – своеобразное дополнение к двухтомнику «Новое об открытии Камчатки»); у него были обязательства перед Владивостоком, Хабаровском, Иркутском; упоминались международные конференции и доклады в Русском географическом обществе. Зрение стало подводить его, что мешало работе. Письма, написанные от руки, читались с трудом. Когда появилась возможность освоить компьютер, он без колебаний сел за него и был доволен тем, что работа упростилась. Последняя статья, которую я получил через Камчатскую областную би-

библиотеку, посвящена вопросу, который всегда мучил Бориса Петровича, – «О подлинном происхождении названия "Камчатка"». В ней он не сдерживал эмоций, давал характеристики, иногда очень резкие, своим оппонентам. Таким Бориса Петровича я никогда не знал.

Возможно, я когда-нибудь решусь написать более подробно о Б. П. Полевом – объемная переписка, встречи, беседы, рассказы тех, с кем он общался, главное, все статьи и книги о Камчатке, собранные за 30 лет, – лишь частица его жизни, связанная с нашим краем. Поражал он меня всегда, но дважды – особенно. В 1997 г., 13 сентября, после окончания конференции, посвященной 300-летию присоединения Камчатки к России, мы прощались на ступеньках Камчатской областной библиотеки. Борис Петрович подошел ко мне, мы обнялись, и он прошептал мне на ухо: «Пока не будет восстановлена хоть какая-то монархия, порядка в России не будет. По своим убеждениям я монархист». После выхода двухтомника «Новое об открытии Камчатки» 26 января 2000 г. он так отозвался о своем труде: «Я считаю, что именно благодаря Вашей помощи эта моя работа стала лучшей в моей жизни. Но ее еще не скоро оценят по достоинству. Увы, многие до сих пор не понимают ее реального значения. В ней я смог превзойти Миллера, и это особенно приятно». Специалисты знают, что значит имя Миллера для исторической науки.

5 февраля я вынул из своего почтового ящика письмо Бориса Петровича – из Санкт-Петербурга оно шло 33 дня. Я разговаривал с Б. П., которого уже не было. Письмо объясняет многое. Убрав личное, я решил напечатать его.

Дорогой Евгений Валерианович!

10 декабря умерла моя старшая сестра. До этого мне приходилось часто бывать в больнице, где ее по существу умертвили за... 30 тыс. рублей! Таковы у нас нравы у этих убийц. Честно, в эти дни мне было не до Камчатки. Сейчас после кремации мне предстоит захоронение, но уже в январе, когда закончатся морозы.

Институт географии Сибири предполагает представить мое цветное издание Атласова (1) на госпремию. Но я сомневаюсь в успехе моей книги, хотя Атласов действительно сделал яркую книгу. Я уже послал один экземпляр в Иркутск в Институт СО РГО, которому исполнилось ровно 150 лет.

Я собираюсь написать книжку по новым архивным данным «Новое об открытии русскими Тихого океана в 1639–1640 гг.» и об открытии Сахалина. Боюсь, что на Сахалине значение этой книги мало кто поймет. Но я все-таки рискну.

Как обстоит дело с Вашим двухтомником (2) моих работ по истории Камчатки? Остается очень мало времени, когда я еще смогу принять участие лично в создании этого двухтомника.

Я решил передать мою библиотеку в отдел истории БАН (3).

Как обстоят дела с «Неизвестной Камчаткой» (4)?

28 декабря 2001 г.

Б. П. Полевой

Не знаю, как решилась судьба его богатейшего уникального архива: документов, громадной переписки с учеными всего мира, кассет (чтобы не тратить время, он наговаривал на диктофон архивные выписки), библиотеки, семейных бумаг. В одной из частных бесед с нашими историками он высказал пожелание, чтобы похоронили его на Камчатке. Однако никаких письменных распоряжений Борис Петрович не оставил...

10.02.2002 г.

1. Речь идет о красочном издании книги «Новое об открытии Камчатки», которое в 2000 г. осуществил нефтепромышленник Евгений Иванович Атласов. Первое издание вышло в двух томах на Камчатке в 1997 г.
2. «Избранное», состоящее из лучших работ Б. П. Полевого, подготовлено к печати в 2001 г. (Не издано).
3. БАН – Библиотека Академии наук.
4. «Неизвестная Камчатка» – журнал, который с 1997 по 2005 г. выпускал Камчатский печатный двор.